

РЕЦЕНЗИЯ

на выпускную квалификационную работу обучающегося СПбГУ

Александра Сергеевича Смирнова

по теме «Алгоритмы восстановления морфологической информации при восприятии устной речи (на материале русского языка)»

Рецензируемая выпускная квалификационная работа представляет собой экспериментальное исследование случаев редукции окончаний существительных и зависимых от них слов в русской спонтанной речи. Редукция окончаний часто приводит к потере грамматической информации и к увеличению в речи количества случаев грамматической омонимии. Исследование редукций данного типа важно для понимания масштаба явления в спонтанной речи, а также для выдвижения и проверки предположений относительно стратегий распознавания, используемых носителями языка. Основная задача работы состояла в 1) фонетическом анализе окончаний в словосочетаниях существительных с согласованными с ними зависимыми словами и 2) в выдвижении и проверке (с помощью перцептивного эксперимента) гипотезы относительно возможных алгоритмов восстановления морфологической информации.

Сочинение Александра Сергеевича формально отвечает требованиям выпускной квалификационной работы на звание бакалавра: работа, написанная на 59 стр., включает введение, основную часть, состоящую из двух глав, заключение, библиографию и приложение с инструкцией перцептивного эксперимента. Во введении определяются предмет, цель, задачи и материал исследования. Первая глава включает в себя обзор литературы по теме порождения и восприятия редуцированных словоформ. Во второй главе приводятся результаты анализа реализаций существительных и зависимых от них слов в русской спонтанной речи на материале корпуса русской спонтанной речи, а также результаты перцептивного эксперимента. Стоит отметить объем проделанной работы: было проанализировано 809 словосочетаний, отобранных из 93 минут спонтанной речи; 214 словосочетаний (26,5%) не подверглись редукции, в 595 сочетаниях (73,5%) редукция произошла в окончании хотя бы одного из двух слов. В перцептивном эксперименте приняло участие 43 испытуемых; было проверено распознавание словосочетаний с редукцией в окончаниях обоих слов, когда редукция приводила к грамматической омонимии, а левый контекст фразы не позволял снять неоднозначность. Важным результатом работы можно считать сформулированные автором факторы, помогающие слушающему в разрешении неоднозначности речевого фрагмента: 1) фонетический состав словоформы (нередуцированные элементы словоформ), 2) частотность грамматических форм, 3) семантико-грамматический контекст.

Тем не менее работа вызывает некоторые замечания. Например, в работе отсутствует четко сформулированная гипотеза; это затрудняет понимание того, что именно хочет проверить автор в ходе исследования. Одна из целей работы – «выдвижение гипотез относительно алгоритмов, которыми могут пользоваться носители языка для восстановления утраченной морфологической информации в процессе восприятия речи» (стр. 5). Гипотеза исследования, однако, определяется только в самом конце, при описании результатов: «гипотеза о трудности верного восприятия редуцированных словоформ, а именно их грамматической формы, в целом не подтвердилась» (стр. 50). Иногда в работе не хватает четких определений: например, понятие количественной

редукции проясняется постепенно из нескольких цитат, но обобщение или четкое определение отсутствует. Нет определения ментального лексикона.

Не всегда в тексте есть логичные переходы: например, на стр. 10 автор сравнивает подходы разных исследователей к вопросу «соотношения понятий спонтанной речи и речи разговорной» (Фонетика спонтанной речи, 1988; Богданова, 2001), однако, два абзаца, посвященные этому, разорваны и связь между ними не очевидна. На стр. 11 позиции Земской (1988: 7–8) в том, что спонтанная речь возникает «без воздействия извне, без всяких внешних импульсов», автор противопоставляет мнение Е. И. Риехакайнен (2016), что при таком подходе спонтанная речь окажется достаточно узким понятием (и, например, в диалоге все реплики за исключением первой мотивированы предыдущими). Ниже, на 12ой странице, цитируя А. Л. Ронжина и К. В. Евграфову (Ронжин, Евграфова, 2011), среди особенностей спонтанной речи автор называет «мотивированность, проявляющуюся в стимуляции, а затем в мотивации к говорению при наличии фактора неожиданности». Однако, цитата приводится без комментариев и мнение самого автора по поводу «мотивированности» остается непонятным.

Вызывают сомнения некоторые утверждения автора: «Одним из основных факторов, влияющих на склонность словоформ к редукции, по-видимому, является фонетический облик словоформы, т.е. наличие в нем тех звуков, которые могут подвергаться редукции» (стр. 13). Не понятно, что имеется в виду под «звуками, которые могут подвергаться редукции», выше автор писал, что «феномен редукции не поддается четкой локализации и зачастую может характеризоваться как явление стихийного характера» (стр. 4).

В теоретической главе ничего не сказано про редукцию /j/, в частности про регулярное выпадение /j/ в окончаниях существительных, прилагательных и причастий в литературном русском языке (Вербицкая, 1997). В практической главе случаи редукции /j/ рассматриваются и оказываются одними из наиболее распространенных, что, однако, остается без комментариев.

Пожелания и возможные дополнения к практической части работы. 1) Было бы интересно узнать распределение падежей во всем используемом материале, а не только для конкретных групп (сравнить с распределением падежей в других источниках, например, с данными Национального корпуса русского языка), тем более что результаты перцептивного эксперимента автор частично объясняет разной частотностью падежей. 2) Сколько раз неправильное распознавание было связано именно с грамматической формой по сравнению с другими случаями (такими как *ваших детей* вместо *наших детей*)? 3) Всегда ли омонимия связана с падежным различием? Например, помощь контекста во фразе *сейчас время для того, чтобы наши оппоненты уважаемые могли изложить свои взгляды* [izlaZQcvaLe zg'l'a:d] Александр Сергеевич объясняет тем, что «для распознавания словосочетаний в функции объекта опорой может служить предшествующий глагол, задающий управление» (стр. 38). Однако трудно представить сочетание *свои взгляды* в предложении в именительном падеже; скорее всего, данный пример следует считать омонимией по числу (*свой взгляд* – *свои взгляды*).

Наконец, более общий вопрос. Автор пишет, что из-за грамматической омонимии нередуцированная словоформа «отнюдь не является достаточным условием и гарантом того, что слушающий» сможет однозначно интерпретировать словосочетание (стр. 31). Редукция, таким образом, увеличивает количество случаев грамматической омонимии, но

само явление существует в языке и без редукции. Значит ли это, что список стимулов можно было бы также дополнить словосочетаниями с грамматической омонимией, но без редукции?

В целом содержание рецензируемой выпускной квалификационной работы А.С. Смирнова позволяет считать, что задачи, сформулированные во введении, выполнены и работа заслуживает положительной оценки.

«12» июня 2018г.

Подпись

Ильинская Ю.О.

ФИО